

ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ
Варшавский университет

**«ОБМАНЫ ЗАТОПИЛИ МИР...»
(БОРИС ЕГОРОВ О РАЗНОВИДНОСТЯХ ОБМАНА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ)**

“Deceptions flooded the world” (B. F. Egorov about varieties of deception in Russian culture)

The principal items of B.F. Egorov book are described in the article *Deception in the Russian culture* (2012). It is marked that the scientist considered deception on the basis of the enormous material - historical (from antiquity to the soviet epoch inclusively) and modern (from alteration to our days), attracted for comparison facts, inherent not only to Russian but also to other national cultures (from east mythology and Homer to the modern American culture). Attention is paid to the offered by the scientists classification of deceptions, where the thematic principle is the basis (socio-political, economical, psychological, domestic, soldiery, geographical, medical deceptions, as well as deceptions in area of religion, in science, in literature and art; deceptions are specially distinguished with a sign plus), meaningfulness of research is underlined by the scientist of such covinous forms, as silences, mystifications, imitations and plagiarism, as also the actuality of problem of intercommunications of deception and game.

Keywords: Egorov, deception, Russian culture, classification, study

В названии статьи отражена лишь часть фразы, открывающей книгу Б. Ф. Егорова; в целом она выглядит так: «Обманы затопили мир и все более его корёжат» (Егоров 2012, 5). Здесь сразу же обозначена и тема, и авторское отношение к ней. Ложь и обман ученый называет «значительнейшими элементами нашей жизни» и обращает внимание на то, что ими интересуются писатели, поэты, драматурги, публицисты, журналисты, церковные деятели, юристы представители самых разнообразных разных специальностей (Егоров 2012, 6-7). Укажу на некоторые переклички.

Харальд Вайнрих (Harald Weinrich) — немецкий филолог и философ, отмечает:

Ложь существует на свете. Она в нас и вокруг нас. Нельзя закрывать на это глаза. „Всякий человек ложь”, — говорится в псалме 115 (ст. 2). Мы могли бы перевести это так: человек есть существо, способное лгать. Это определение так же верно, как и те, которые называют человека существом, умеющим думать, говорить и смеяться. Возможно, такое определение говорит о неуважительном отношении к людям, но оно неопровержимо (Вайнрих 1987, 44).

Лингвист Виктор Шаховский констатирует:

Фактически ложь, ... вошла в жизнь людей неотъемлемым ее компонентом, и в каждом художественном произведении она присутствует во всем многообразии ее функций: регуляция, глорификация, дезинформация, манипуляция, (само)защита (спасение), дефамация, фатика и др. (Шаховский 2005, 143).

Психолог Виктор Знаков обобщает:

В последние годы в гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к проблеме соотношения истины и правды. Интерес к указанной проблеме отражает стремление ученых осмыслить глубинные основания жизни человека и понять причины перемен, происходящих в современном мире (Знаков 1999, 12).

Исследователей, как видно, объединяет понимание актуальности и значимости проблемы лжи (и ее разновидностей) как в человеческом общежитии, так и в научно-теоретическом ее осмыслении.

Обманы и утопии в русской культуре издавна интересовали и Б. Ф. Егорова, материал по обеим темам собирался на протяжении десятилетий, но итоговые публикации в виде отдельных книг по-

явились сравнительно недавно. На мой вопрос, когда примерно возник интерес к обманам и утопиям, Б. Ф. Егоров ответил так:

Оба замысла давние, уходят в молодость. <...> Обман. Наши тартуские розыгрыши толкали на осмысление и классификацию игр, где обман <занимал> почти главное место. А в зрелом возрасте возникли мысли о лицемерии, о лжи во спасение. Но реальная работа над книгами -- примерно 8-10 лет до выхода.

Мне хочется надеяться, что определенным стимулом для оформления многочисленных фактов, наблюдений, размышлений в самостоятельные книги были и те спецкурсы, посвященные утопиям и обманам, которые Б. Ф. Егоров на протяжении ряда лет проводил в стенах Варшавского университета для студентов-гуманитариев. Сфера научных интересов Егорова, как известно, необычайно широка: русская культура и литература XIX – XX вв., литературная критика, структурализм, биография и научная деятельность Лотмана и мн. др. Б. Ф. Егоров – автор более 600 научных работ, среди них девятнадцать книг.

В монографии *Обман в русской культуре* Егоров рассматривает обман на огромном материале - историческом (от древности до советской эпохи включительно) и современном (от перестройки до наших дней), привлекая для сравнения факты, присущие не только русской, но и другим национальным культурам (от восточной мифологии и Гомера до настоящего времени). Появление обмана ученый связывает с доисторическим периодом, с моментом возникновения «всего живого на Земле. ...как только появились движущиеся животные, начались столкновения ... стали возникать и обманные движения» (Егоров 2012, 25); в древнейшие времена не существовало морального осуждения ни хитрости, ни обмана; в дохристианский – ветхозаветный – период ложь была осуждена и запрещена законом Моисеевым: «И сказал Господь Моисею, говоря: ... не лгите и не обманывайте друг друга» /Левит 19:1,11/ (Библия 1988, 127), начали вырабатываться нравственные устои; но только христианство дало человечеству твердые моральные принципы – следовать истине, жить правдой и отвергать ложь. Согласно наблюдениям учёного, для русского героического эпоса еще свойственна

поэтизация хитрости, обмана, а для литературы XVIII-XIX вв. это уже невозможно; в русской классике «вплоть до творчества Короленко и Чехова, линия на безоговорочное осуждение обмана будет лишь крепнуть и углубляться» (Егоров 2012, 28), но вместе с тем всегда есть исключения. Говоря о современности, исследователь обращает внимание на «вызывающее обилие конфликтов», которые провоцируют «целый спектр обманов» (Егоров 2012, 28). Для него христианская мораль остается высшим критерием, которым он стремится руководствоваться (Егоров 2012, 20) в науке и в жизни.

Структурно книга состоит из введения (*Вводное*), 15 глав, и заключения (*Итоги и надежды*). Во введении Егоров отмечает практическую необозримость к настоящему времени научной литературы, посвященной теме обмана в мировой культуре: только «библиография на четырех ... языках (русский, английский, немецкий, французский) включает 5000 наименований» (Егоров 2012, 7).

В библиографическом обзоре ученый упоминает работы как российских, так и зарубежных исследователей – философов, семиотиков, психологов, но особо выделяет труды лингвистов (Анна Вежбицкая, Анна Зализняк, Алексей Шмелев, Елена Морозова, Генриетта Мондри, Джон Тейлор).

Труды лингвистов-семантиков, – отмечает ученый, – замечательны своей скрупулезностью и терминологической четкостью. Они впервые подробно рассмотрели фундаментальные основы прочных установок человеческого бытования: истины и правды (как анти-лжи). <...> впервые подробно отделили ложь и вранье от неправды ... отличили ложь от вранья: ложь – серьезное искажение истины, вранье – более мелкое и мягкое... Поразительно, что вранье – специфически русское слово, его нет не только в западных языках, но даже в ближайшем украинском (Егоров 2012, 9).

Никита Михалков в одной из телевизионных передач метко назвал русское вранье «восторженным самовыражением». Действительно, чего стоит только гоголевский Хлестаков! В сцене вранья за несколько минут он делает головокружительную карьеру: от «елистратишки» из Петербурга до фельдмаршала. А современный пуб-

лицист Эдуард Алкснис в эссе *Российское вранье* (2011) пронизательно замечает:

По-честному, надо было это сочинение назвать „русское вранье“, потому что именно русский от рождения до смертного часа врет, „как сивый мерин“. Но дурное легко усваивается, поэтому сейчас все обитатели России, и татары и евреи, врут не хуже русских. <...> Врут начальники и подчиненные, высокообразованные и малограмотные, рабочие врут больше, чем крестьяне, врут поэты и прозаики, врут военные и гражданские, особенно нагло врут милиционеры, следователи и судьи... Врут ученые, врачи, педагоги и изобретатели, но больше всех врут чиновники (Алкснис 2011).

Егоров, судя по всему, разделяет эту позицию, поскольку в самом начале своей книги не без внутреннего ужаса констатирует: «И, страшно сказать, проскальзывают мнения, что ложь – это наша национальная специфика» (Егоров 2012, 6).

Во введении немало внимания ученый уделил рассмотрению соотношения «обман - ложь». А затем, изучив различные формулы и определения обмана, предложил «собственное общее понятие обмана». Оно таково:

Под обманом подразумевается акция ложных слов или дел (или акция умолчания о важных для данного случая фактах), в результате чего объекту обмана или наносится вред в виде материального ущерба, душевной травмы и т.п., или, наоборот, оказывается благотворное воздействие на его психику и ментальность. Таким образом, имеет место сложный спектр последствий обмана, от самых негативных до самых положительных; в каждом конкретном случае результат и нравственный фон определяются индивидуально; возможны и смешанные варианты результатов и нравственных оценок» /курсив автора – Л.Л./ (Егоров 2012, 14).

Здесь же хочу подчеркнуть тот факт, что на протяжении всего повествования Егоров сохранял интерес к антиномии «обман как негативность – обман с положительным знаком» (Егоров 2012, 20).

Основные главы книги посвящены описанию разнообразных видов обманов, среди которых: обманы социально-политические,

экономические (финансовые), психологические, бытовые, военные, географические, медицинские, а также обманы в области религии, в науке, в литературе и искусстве, кроме того, ученый исследует такие обманные формы, как умолчания, мистификации, подделки, плагиат; обращает внимание на взаимосвязи обмана и игры; специально выделяет обманы со знаком плюс.

Конечно, удивляет, что среди указанных разновидностей нет собственно тематической группы любовных обманов и супружеских измен, (о них упоминается в разделе *Бытовые обманы*, где одним из героев выступает идеологический классик, в частности, Карл Маркс, который имел внебрачного ребенка от служанки, а Энгельс этот факт покрывал). Неисчислимо количество жизненных историй и сотни литературных произведений посвящены именно любовным обманам. А где самообманы? Их ведь тоже немало в русской литературе. Вспомним хотя бы известное пушкинское *Признание* (1826) Осиповой: „Но притворитесь! Этот взгляд/ Все может выразить так чудно!/ Ах, обмануть меня не трудно!.../ Я сам обманываться рад!” (Пушкин 1974, 81). Т.е. лирический герой готов к осознанному или чаще неосознанному обману самого себя, когда есть стремление выдавать иллюзию за действительность, представлять реальность такой, какой ее хочется видеть; самообман может быть связан с мечтами, грезами, надеждами – и это тоже богатейший материал русской литературы.

БФ специально отмечает, что «обширную классификационную работу в области обмана еще предстоит проделать», туда войдут «частные варианты обмана», связанные с понятиями афера, блеф, вероломство, демагогия, измена, предательство, иллюзия, клевета, коварство, лезть, лицемерие, лукавство, мистификация, мошенничество, подделка, подлог, притворство, розыгрыш, симуляция, ханжество (Егоров 2012, 24-25).

Далее остановлюсь несколько подробнее лишь на отдельных разновидностях обмана, представленных в книге. Так, в первой главе *Социально-политические обманы* автор приводит множество фактов, важнейшими из которых стали оценки и интерпретации явлений идеологического характера и событий общественной жизни советских людей. В частности, речь идет об обманах коммунизма, ленинизма, легендах о 23 февраля, переезде советского

правительства из Петербурга в Москву, расстреле царской семьи и проч. Так, по словам, марксизм-ленинизм впервые рзрекламировал «коммунизм как вершинное достижение человечества», основной принцип которого «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В самой формуле, по «содержится большой обман: Маркс был экономистом, математиком, и не мог не подсчитать, что самые элементарные требования его времени: комната на человека, лошадь с повозкой, клочок земли – невозможно было осуществить» (Егоров 2012, 30). Еще больше обмана видит Егоров в ленинских лозунгах, типа «заводы - рабочим, земля – крестьянам» (Егоров 2012, 30), никогда в реальной жизни не реализованных. Через весь советский период прошла «легенда о 23 февраля 1918 г. как знаменательном дне, когда молодая Красная армия нанесла поражение германским войскам под Псковом» (Егоров 2012, 30-31), этот день, по предложению Троцкого, стал праздником. На самом деле все было наоборот: успехи были на стороне немцев, а Красная армия находилась в «страшном развале» (Егоров 2012, 31). «Ложью покрыт» и переезд советского правительства из Петрограда в Москву, когда официально петроградцев призывали к соблюдению спокойствия в виду приближения немцев, а тайно красные вожди покидали Питер. Ложь сопровождала и факт расстрела царской семьи. Официально сообщалось только о расстреле «коронованного убийцы» Николая Романова, а о жене и детях цинично говорилось, что они «отправлены в надежное место» (Егоров 2012, 34). Ложью была пронизана в сталинскую эпоху информация о коллективизации, индустриализации, о начавшихся политических процессах. И даже больше, чем обманов, было утаиваний, то есть «умолчаний о событиях, которые нежелательно раскрывать: о военных провалах начала Отечественной войны, о Катыни, о „Ленинградском деле“, о расстрелах демонстраций в Новочеркасске и Тбилиси, о страшных последствиях атомных взрывов на территории страны» (Егоров 2012, 37).

Отличительной особенностью книги является то, что ученый не только пытается теоретически определить интересующее его понятие, выявить его характерные свойства, черты, отличающие от смежных понятий, классифицировать обманы, учесть т.н. «нравственный фактор», насытить текст примерами из различных сфер

культуры, но и широко использовать личный опыт, собственные воспоминания, оценки, характеристики. Так, например, глава *Политические умолчания как обман* построена на анализе событий из собственной жизни, в частности, речь идет об истории т.н. «партийной» деятельности советского человека, детство которого связано с пионерией, юность – с комсомолом, а более зрелый период – с компартией. Советский режим воспитывал в людях обманное умолчание с самого детства. Борис Фёдорович вспоминал, что он в силу природной активности своей натуры поначалу был деятельным пионером, его избрали председателем совета отряда, и он горячо взялся за работу: агитировал одноклассников записываться в кружки, организовал выпуск стенгазеты, мечтал о летних походах и проч. Но все тонуло в «вате равнодушия» учителей, вожатых, да и самих школьников. В жизни пионерии было много казенщины, которая отвращала и вызывала разочарование. «Купаться в официальной лжи» (Егоров 2012, 51) юному Егорову было не по нраву, поэтому он решил, что в комсомол вступать не будет. Началась война и, действительно, стало не до комсомола. Но необходимость объясниться, почему он не комсомолец, все-таки возникла при поступлении Егоров в аспирантуру: тогда он «впервые осознал, что в Советской державе почти невозможно уклониться от лжи и мирно покоиться в отсеке „обманное умолчание”» (Егоров 2012, 51). А потом сложилось так, что после неожиданного разоблачения Хрущевым культа личности Сталина у советской интеллигенции возникли оттепельные надежды: «смыть грязь лжи», создать «партию и все общество „с человеческим лицом”» (Егоров 2012, 52). Егоров поддался этим настроениям и вступил в партию. Утопические мечтания вскоре развеялись, но уже ничего нельзя было изменить.

Я находился внутри партии, которая ... осталась такой же бюрократической и реакционной, как и раньше, но я не мог откровенно сказать все, что я думаю о ней... Я участвовал в выборах руководителей и утверждал их выбор, хотя реально я их глубоко презирал. Это ...ложь. <...> мне пришлось 33 года находиться в нелюбимой партии, 33 года мечтать о своем удалении. <...> в 1990-м г. я на первом же партийном собрании честно рассказал о своей утопии, о 33-летней беде, о радостном чувстве освобождения – и положил партийный билет (Егоров 2012, 53-54).

Борис Фёдорович в результате самоанализа приходит к выводу, что советский человек, будучи причастен к партии (даже если он не произносил фальшивых лозунгов, не совершал безнравственных поступков) все равно был аморален, поскольку его умолчания недалеко уходили от прямой лжи.

Уникальность книги Борис Фёдорович Егоров состоит в том, что, наряду с серьезным научным аппаратом, концептуальностью, классификаторством, здесь представлено множество примеров, сюжетов, историй, связанных не просто с явлениями русской культуры, а с конкретными носителями этой культуры – с самим автором, с его близкими, дузьями, знакомыми, соратниками, учениками. И это делает книгу и очень личностной, приближая к мемуаристике, и особенно убедительной.

Необычайно интересна проблема: *Игра и обман*, такая глава присутствует в книге Бориса Фёдоровича Егорова. Исследователь выделяет шесть вариантов игры: 1) языковые забавы (каламбуры, анаграммы, палиндромы, буриме, загадки, шарады) и живописные ребусы, а также более сложные построения, выходящие за рамки простой забавы – мистификации, розыгрыши, фокусы, гипнозы; куклы, игрушки (с. 153-154); 2) состязание (как правило, здесь присутствует антиномия «выигрыш-проигрыш»); 3) музыкальный и театральный вариант игры; 4) природный (игра красок в природе: *сиять, сверкать, пере-ливаться*); 5) библейский (где есть игра на музыкальных инструментах, а также игра как любовная забава); 6) игра в сфере творчества.

Сам Борис Фёдорович Егоров был мастером розыгрышей. Но не всегда они были безобидны. В книге приводится пример розыгрыша супруги Ю. М. Лотмана – Зары Григорьевны Минц. В 1955 г. молодая исследовательница подготовила к защите кандидатскую диссертацию *Пути развития советской дошкольной литературы (1917–1930)*, где рассматривались детские стихи В. В. Маяковского, а также творчество В. В. Бианки, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, А. Л. Барто. Автореферат был разослан по необходимым инстанциям. И вдруг диссертантка получает по почте письмо якобы от Агнии Барто (изготовленное Егоровым), где писательница упрекает Минц в том, что она «восхваляет Чуковского и Маршака и игнорирует ее, Барто, так что она приедет на защиту и выступит с критикой. Очень

трудно, – пишет Борис Фёдорович Егоров, было успокоить рыдавшую З. Г. Минц и доказать, что это – розыгрыш» (Егоров 2012, 160).

Как отмечает Егоров, «наиболее подвержен обманам второй вариант игры, состязательный» (Егоров 2012, 163) и упоминает о карточных играх, спортивных состязаниях, компьютерных играх – в частности, о шахматных. На мой взгляд, необычайно интересная, но и огромная тема, которая могла бы быть реализована в этом контексте – азартные игры (но напрямую БФ об этом ничего не пишет). А ведь именно азартные игры – это есть грандиозные обманы. Азартные игры (вист, винт, покер, фараон, дурак, банк, штос, кости, рулетка, и мн. др.) нашли воплощение в целом ряде произведений русской литературы (Розалиев 1991; *Игра* 1993), среди которых: *Арифметика* Осипа Сенковского, *Пиковая дама* Пушкина, *Игроки*, *Мертвые души* (Ноздрев заманивает Чичикова сыграть в карты, шашки) Гоголя, *Маскарад*, *Штосс*, *Тамбовская Казначейша Герой нашего времени (Фаталист)* Лермонтова, *Двадцать пять рублей* Николая Некрасова, *Игрок*, *Подросток* Достоевского, *Записки маркёра*, *Война и мир* (Николай Ростов), *Воскресение* (Нехлюдов) Льва Толстого, *Винт* Антона Чехова, *Большой шлем* Леонида Андреева, *Балаганчик* Александра Блока, *Система* Александра Куприна, *История одного злосчастливого дня* Александра Амфитеатрова, *Гениальный игрок* Александра Грина и др.

Известный юрист Павел Люблинский определял азартную игру как

пари на деньги или какую-либо материальную ценность на событие с сомнительным исходом с главным намерением получения прибыли или материальных ценностей. Азартная игра зависит в большей степени от случайности, чем от искусства играющих, причём размер ставок назначается произвольно и может быть изменяем играющими, а главный интерес направлен не на процесс игры, а на её исход (Люблинский 1926, 635).

На мой взгляд, тема азартных игр в русской литературе в аспекте культурологического изучения необычайно интересна.

Особое место в научных изысканиях Бориса Фёдоровича занимают так называемые «положительные обманы» или иначе «обманы со знаком плюс». Автор подчеркивает, что «обман со знаком плюс – значительно более многоликое явление, чем „ложь во

спасение», чем „культурное лицемерие”; ученый считает «эту многоликость позитивного обмана своим открытием» (Егоров 2012, 17). Но по-скольку Борис Фёдорович Егоров ввел дополнительные рубрики в свою классификацию положительных обманов и его доклад посвящен именно этому, то я не буду останавливаться на указанной теме.

В заключение отмечу, что на вопрос издателя: на кого автор рассчитывает свой труд, Борис Фёдорович Егоров ответил так:

на самого себя, конечно, тоже. Я многое уяснил себе во время работы над книгой... Но все-таки больше всего я рассчитываю на обилие вдумчивых читателей, которые тоже что-то уяснят себе во время чтения и, возможно, что-то уже сейчас поймут лучше меня и тем более наметят будущие пути. Тем самым я привлеку в лагерь исследователей сложнейших проблем лжи-обмана... новых соратников. Хочется, чтобы нашего полку прибыло (Егоров 2012, 189-190).

Думаю, проблематика седельцкой конференции так или иначе оправдала надежды и ожидания ученого.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алкснис Эдуард: *Российское вранье*, в: Проза.ру <http://www.proza.ru/2011/01/01/695> (дата открытия 01.07.2015).
- Библия. *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические*. Москва 1988.
- Егоров Борис: *Обман в русской культуре*. Санкт-Петербург 2012, с. 5.
- Вайнрих Харальд (Weinrich Harald): *Лингвистика лжи*, в: *Язык и моделирование социального взаимодействия*, перев., сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина, общ. ред. В. В. Петрова. Москва 1987, с. 44-87.
- Знаков Виктор: *Психология понимания правды*. Санкт-Петербург 1999.
- Игра в карты по-русски. Антология*, сост. Евгений Майоров. Москва 1993.
- Лотман Юрий: *Избранные статьи в 3 т.* Таллинн 1992, т. 2, с. 389-415.
- Люблинский Павел: *Азартная игра*, в: *Большая советская энциклопедия в 65 т., 1-е изд.* Москва 1926, т. 1, с. 635-638.
- Пушкин Александр: *Собрание сочинений в 10 т., т. 2*. Москва 1974.
- Розалиев Николай: *Карточные игры России. Преферанс*. Москва 1991.

Шаховский Виктор: *Эмоции во лживой коммуникации*, в: *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва 2005, вып. 30, с. 133-145.